

Н. А. КАЗАКОВА

ВОПРОС О ПРИЧИНАХ ОСУЖДЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

В 1518 г. с Афона в Москву приехал Максим Грек, ученый греческий монах, вызванный для перевода богослужебных книг. Благодаря своей переводческой и публицистической деятельности Максим Грек сразу занял видное место в культурной жизни русской столицы. Но вскоре его постигла опала. В 1525 и 1531 гг. состоялись два собора против Максима Грека. Он был обвинен в отступлении от православия, враждебности своей новой родине, изменнических сношениях с Турцией и брошен в заточение, из которого вышел уже глубоким стариком.

Естественно, все исследователи жизни и творчества Максима Грека касались в той или иной степени и суда над ним. В русской историографии конца XVIII — начала XIX в., не располагавшей еще материалами процессов Максима Грека, было распространено основанное на известиях публицистических источников мнение о том, что причиной опалы Максима Грека являлось его противодействие разводу и второму браку Василия III¹. После опубликования в 1847 г. судного списка Максима Грека исследователи при решении вопроса о причинах его осуждения стали опираться на данные этого источника. Наиболее полно высказывались по вопросу об осуждении Максима Грека Макарий, В. С. Иконников, Е. Е. Голубинский, Б. И. Дунаев, В. Ф. Ржига, И. Денисов, И. И. Смирнов, И. Б. Греков².

Макария, как представителя воинствующих церковников, интересовали прежде всего религиозно-догматические «вины» Максима. Поэтому, не отрицая справедливости политических обвинений по адресу Максима, акцент он делал на виновности его в еретических заблуждениях³.

В. С. Иконникова больше занимали политические «вины» Максима Грека. Указывая на связи с опальными боярами как на одну из причин его обвинения, В. С. Иконников по поводу обвинения Максима в сношениях с Турцией писал: «Конечно, теперь трудно утверждать, насколько верны обвинения его в сношениях с турецким правительством, но что они не были лишь клеветой — в этом едва ли можно сомневаться». Причиной этих сношений являлось, по мнению В. С. Иконникова, стремление Максима спровоцировать войну России с Турцией, чтобы таким образом добиться освобождения Греции. Не приписывая Максиму Греку еретических убеждений, как это делал Макарий,

¹ См., например, М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. V, ч. 1. СПб., 1786, стр. 2—3, прим. 1.

² Не давая развернутого историографического обзора, мы останавливаемся кратко лишь на важнейших точках зрения.

³ Макарий. История русской церкви, т. VI. СПб., 1887, стр. 177—196.

В. С. Иконников полагает, однако, что повод к обвинению в таковых могли дать имевшиеся в переводах Максима неточности и описки. Существенную роль в исходе процессов сыграла и полемика Максима против вотчинных прав церкви⁴. Таким образом, не становясь на точку зрения обвинителей и учитывая тенденциозность судебного обвинения, В. С. Иконников признает тем не менее обоснованность (в той или иной степени) его основных пунктов и в совокупности их усматривает причину рокового для Максима Грека исхода суда.

Несколько в ином плане занимались судебными процессами против Максима Б. И. Дунаев и И. И. Смирнов. Они сосредоточили свое внимание на рассмотрении лишь одного пункта обвинения — об измене Максима государственным интересам России. Хотя оба исследователя решали этот вопрос в положительном для обвинения смысле, но каждый из них давал свою собственную трактовку причин, приведших Максима к конспиративным и враждебным России сношениям с Турцией. Б. И. Дунаев усматривал их в преданности Максима «греческой идее» — идее освобождения Греции от турецкого ига посредством войны между Турцией и Россией (по мысли Б. И. Дунаева, Максим Грек посылал турецкому правительству информацию, имевшую целью провоцирование этой войны)⁵. И. И. Смирнов объяснял сношения Максима с Турцией выполнением Максимом заданий турецкого правительства, у которого он состоял на агентурной службе. Измена Максима Грека государственным интересам России была обусловлена, по мнению И. И. Смирнова, его принадлежностью к реакционной боярской оппозиции⁶. К трактовке И. И. Смирнова присоединился и И. Б. Греков⁷.

В зарубежной исторической литературе последних десятилетий своеобразный, хотя и близкий к точке зрения Б. И. Дунаева, взгляд на причины осуждения Максима Грека высказал И. Денисов. В представлении И. Денисова Максим Грек — не просто представитель партии греческих патриотов, стремившихся на свой страх и риск вызвать войну между Турцией и Россией с целью освобождения Греции (как это думал Б. И. Дунаев), а специальный эмиссар константинопольского патриарха, имевший задание не только спровоцировать русско-турецкую войну, но и добиться признания русской церковью своей прежней зависимости от патриарха. В Москве греческая идея должна была вступить в конфликт с нарождающимся панславизмом. Жертвой этого конфликта и пал Максим Грек⁸.

Несмотря на различие точек зрения, работы всех названных авторов сближает одна черта: признание достоверности (порой с некоторыми оговорками) данных судебного списка Максима Грека и, в частности, содержащихся в нем обвинений.

С других позиций подходил к оценке материалов обвинения Е. Голубинский. Прежде всего он высказал мнение о том, что судный список Максима Грека, который в исторической литературе принято считать памятником официального происхождения, на самом деле не является таковым. Отмечая тенденциозность и неполноту судного списка, Е. Голубинский полагает, что судный список представляет собою «не официальные протоколы производства суда на соборах, а чьи-то частные исторические о них записки, как будто всего вероятнее принадлежащие самому

⁴ В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 455—490.

⁵ Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916.

⁶ И. И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком. — ВИ, 1946, № 2—3, стр. 118—126.

⁷ И. Б. Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV — XVI вв. М., 1963, стр. 283—287.

⁸ Е. Денисов. Maxim le Grec et l'occident. Paris — Louvain, 1943, p. 329—331, 368—374.

митрополиту Даниилу». К обвинениям, предъявленным Максиму Греку, Е. Голубинский также относится крайне скептически. Обвинение в ереси он считает результатом тенденциозности следствия и суда, использовавшихся имевшиеся в переводах Максима Грека погрешности в русском языке и описки. Что касается обвинения Максима Грека в сношениях с турецким султаном и подстрекательстве его к войне с Россией, то повод к нему, по мнению Е. Голубинского, подала, вероятно, «какая-нибудь нелепая клевета», за которую ухватились устроители суда, стремившиеся к осуждению Максима. Истинная «вина Максима, в которой было все дело» и которая обусловила и предание его суду и исход суда, заключалась, с точки зрения Е. Голубинского, в полемике Максима Грека против вотчинных прав монастырей⁹.

Вопрос о справедливости обвинения Максима Грека в государственной измене касается В. Ф. Ржиги в своем исследовании, посвященном анализу публицистического наследия Максима Грека. Этот вопрос В. Ф. Ржига рассматривает в связи с характеристикой взглядов Максима Грека на внешнюю политику России. Указывая, что «устойчивый национальный (греческий. — Н. К.) облик Максима... мог приводить его к столкновению с отдельными чисто-русскими тенденциями как в сфере церковных отношений, так и в области внешней политики», В. Ф. Ржига подчеркивает вместе с тем, что эти столкновения не исключали глубокой преданности Максима Грека России, засвидетельствованной всем его творчеством. Вслед за Е. Голубинским обвинение Максима во враждебных России сношениях с Турцией В. Ф. Ржига считает клеветой, повод к которой, вероятно, дало отрицательное отношение Максима к идее русско-турецкого союза¹⁰. Новым у В. Ф. Ржиги по сравнению с его предшественниками является широкое привлечение публицистического наследия Максима Грека для проверки материалов его судного дела. К сожалению, этот важный и весьма плодотворный прием В. Ф. Ржига использовал применительно к одному специально интересовавшему его пункту обвинения. Анализ судебных процессов Максима Грека в целом, так же, как и анализ его судного дела, в работе В. Ф. Ржиги отсутствует.

Спорность в научной литературе вопроса о причинах осуждения Максима Грека объясняется, как нам кажется, в значительной мере тем, что ни в одной из рассмотренных нами работ не был осуществлен всесторонний анализ источников, освещающих судебные процессы Максима Грека. Выяснение на основе такого анализа причин осуждения Максима Грека и составляет цель данной статьи.

* * *

Опалы Максима Грека и его судебных процессов касается в той или иной связи ряд источников — произведения публицистики, летописи, судебно-следственные материалы. Из публицистических источников об осуждении Максима Грека сообщают «История о великом князе московском» Курбского, «Выпись о втором браке Василия III» неизвестного автора, а также «Сказания о Максиме Греке».

Курбский, рассказав о разводе и втором браке Василия III, о противодействии этому «беззаконию» со стороны многих «святых и преподобных», о заточении и смерти Вассиана Патрикеева¹¹, сосланного в Иосифо-Волоколамский монастырь за осуждение поступков великого князя,

⁹ Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, первая половина тома. М., 1900, стр. 711—726.

¹⁰ В. Ф. Р ж и г а. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I, 1934, стр. 86—95.

¹¹ Вассиан Патрикеев — видный публицист и глава нестяжателей, близкий Максиму Греку.

добавляет: «И других святых мужей, овых заточил на смерть (от них же един, Максим философ, о нем же наперед повем), а других погубити повелед, их же имена зде оставлю»¹².

Автор «Выписи о втором браке» пишет, что на соборе против Вассиана, созванном из-за его противодействия намерению Василия III развестись с первой женой и вступить во второй брак, архимандрит Чудова монастыря Иона, выступивший в качестве свидетеля, показал, что жившие в этом монастыре Максим и Савва Святогорцы и «доброписец» Михаил Медоварцев «по своему изволению» с согласия Вассиана переводили книги, за что они подлежат преданию соборному суду. По решению собора Вассиан был сослан в заточение в Иосифо-Волоколамский монастырь, Максим в Тверь, Савва в Зосимин монастырь, Селиван (чернец, помогавший в переводах) в Соловки, Михаил Медоварцев в Коломну. «Се же конец предложению вины их, — пишет автор «Выписи», — заради того, чтобы изложения и обличения их не было при совокуплении брака»¹³.

«Сказания о Максиме Греке», сообщая о его заточении и страданиях, причиной его опалы называют обычно «наваждение» сатаны или клевету¹⁴. Лишь в позднейшем «Житии» Максима Грека, составленном в XVIII в. купцом старообрядцем Моховиковым¹⁵, излагается та же версия о причинах осуждения Максима Грека, что и в «Выписи о втором браке Василия III». Издатель «Жития» С. Белокуров справедливо подметил, что версии обоих памятников совпадают дословно¹⁶. Следовательно, составитель «Жития» Моховиков рассказ об осуждении Максима и Вассиана из-за их противодействия второму браку Василия III заимствовал из «Выписи».

Н. М. Карамзин в «Примечаниях» к «Истории государства Российского», касаясь вопроса о суде над Максимом Греком, ссылается, помимо «Выписи о втором браке», на известия «Хронографа» из собрания Толстого. Судя по приведенной Н. М. Карамзиным цитате о ссылке Вассиана в Иосифо-Волоколамский монастырь, Максима в Тверь, Саввы в Зосимин монастырь, Селивана в Соловки, Михаила Медоварцева в Коломну¹⁷, составитель «Хронографа» пользовался «Выписью о втором браке».

Таким образом, если отбросить известия «Жития» Максима, составленного Моховиковым, и «Хронографа» Толстовского собрания, как восходящие к «Выписи о втором браке», то окажется, что версию об опале Вассиана и Максима из-за отрицательного отношения их ко второму браку великого князя содержат лишь два памятника — «Выпись о втором браке» и «Сказание о великом князе московском».

В монографии, посвященной Вассиану Патрикееву, мы отметили недостоверность рассматриваемой версии применительно к Вассиану: по сообщению обоих памятников Вассиан был осужден за противодействие второму браку Василия III, а между тем актовые материалы неопровержимо свидетельствуют о том, что в 1526 г., уже после женитьбы Василия III на Елене Глинской (1525 г.), Вассиан продолжал занимать влиятельное положение и пользоваться расположением великого князя; предан суду он был лишь в 1531 г. по обвинению в ереси и «обличении» вотчинных прав монастырей. Версия об осуждении Вассиана за противодействие второму браку Василия III, читаемая в «Сказании о великом

¹² РИБ, т. XXXI, 1914, стб. 162—165.

¹³ ЧОИДР, № 8, 1847, стр. 1—4.

¹⁴ С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, стр. IV, V, IX, XV и др.

¹⁵ E. Denissoff. Op. cit., p. 47—53.

¹⁶ С. Белокуров. Указ. соч., стр. XV и прим.

¹⁷ Н. М. Карамзин. История государства российского, т. VII. СПб., 1842. Примечания, стб. 52, прим. 343. При просмотре хронографов Толстовского собрания «Хронограф» с известием о суде над Максимом Греком нам найти не удалось.

князе московском» Курбского и в «Выписи о втором браке» (публицистических произведениях, проникнутых резкой враждебностью по отношению к Ивану IV), возникла, вероятно, во второй половине XVI в. (этим временем и датируются оба памятника). Создана она была, очевидно, в кругах, оппозиционных Ивану IV, с целью очернить обстоятельства рождения великого князя, рассказав о страданиях, которые принесло выдающимся деятелям законопреступное бракосочетание его родителей¹⁸.

Но если рассматриваемая версия недостоверна по отношению к Вассиану, которого оба памятника называют главным противником второго брака Василия III, то тем более она недостоверна по отношению к Максиму, о противодействии которого новому браку великого князя прямо в этих памятниках и не говорится. Как мы уже указывали, Курбский после рассказа о противодействии Вассиана и его заточении сообщает об опале других «святых мужей», в том числе и Максима, не называя причин опалы. Только из контекста всего рассказа можно заключить, что опала Максима последовала из-за его оппозиции действиям великого князя; что касается «Выписи», то, согласно ее тексту, Максим был предан суду по обвинению в произвольных переводах. Лишь из фразы, следующей за изложением приговора, в которой говорится о том, что приговор был продиктован стремлением избежать при вторичном бракосочетании великого князя обличений со стороны осужденных, вытекает, что все они, в том числе и Максим Грек, отрицательно относились к намерениям великого князя. Но и в этой фразе о противодействии Максиму говорится как о факте возможном, а отнюдь не свершившемся. Все это позволяет думать, что версия об осуждении Вассиана за его противодействие второму браку Василия III, созданная в оппозиционных Ивану IV кругах с целью его дискредитации, была распространена на Максима Грека в тех же самых целях (подчеркнуть, как много видных лиц пострадало из-за законопреступного брака, результатом которого было рождение «грабителя» и «лютости» — так называют Ивана IV автор «Выписи» и Курбский).

Из летописей сведения о суде над Максимом Греком содержат лишь две: Типографская и Вологодско-Пермская. Кроме того, рассказ о процессе Максима Грека имеется в летописце Пафнутьева Боровского монастыря. Поскольку последний будет дальше предметом нашего специального разбора¹⁹, мы сейчас останавливаться на нем не будем. Что касается известий Типографской и Вологодско-Пермской летописей, то они чрезвычайно лаконичны. В Типографской летописи сообщается о созыве великим князем совместно с митрополитом собора против Максима и Саввы²⁰, об «обыскании» на соборе «их вины» и последующей ссылке Максима в Иосифов, а Саввы в Возмищенский монастырь; вслед за этим указывается, что «того же месяца» и «в том же деле» великий князь «опалился» на Берсена Беклемишева и предал его и дьяка Федора Жареного казни²¹. Известия Вологодско-Пермской летописи еще лаконичнее: в ней отмечаются лишь факты казней Беклемишева и Жареного и ссылки Максима и Саввы в монастыри²².

Новое о характере дела Максима Грека, заключающееся в известиях Типографской и Вологодско-Пермской летописей, состоит в указании первой на связь между делом Максима Грека и делом Берсена Беклемишева, казненного за враждебное отношение к политике великого кня-

¹⁸ Подробнее об этом см. Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 68—72.

¹⁹ См. окончание статьи в следующем томе.

²⁰ Савва — греческий монах, прибывший в Москву вместе с Максимом Греком.

²¹ ПСРЛ, т. XXIV, стб. 222.

²² Там же, т. XXVI, стб. 352.

зя. Никаких других сведений о сути дела Максима Грека и причинах его опалы эти летописи не дают. Лаконичность известий Типографской и Вологодско-Пермской летописей, а также отсутствие упоминаний об осуждении Максима Грека в других летописях, надо думать, были не случайны: по-видимому, процессы Максима Грека были связаны с обстоятельствами, предание которых гласности для правительственных кругов являлось нежелательным (в противном случае умолчание об этом официальных и полуофициальных летописных сводов, фиксируявших все сколько-нибудь значительные события политической жизни, просто непонятно).

Из судебного-следственных источников некоторый материал для понимания процессов Максима Грека дает отрывок следственного дела Берсена Беклемишева и Федора Жареного, содержащий запись допроса обоих подследственных, а также допроса Максима Грека и его келейника Афанасия. Отрывок этот, ныне хранящийся в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 52, б/н)²³, состоит из двух параллельных, но не вполне совпадающих текстов. Анализ их явился предметом специальной статьи С. Н. Чернова²⁴. Отметив, что первый, более обширный, текст целиком включает в свой состав второй, более краткий, С. Н. Чернов подробно разбирает имеющуюся в рукописи правку, принадлежавшую, по его мнению, следователям, характеризует их отношение к допрашиваемым и позиции последних. Сохранившийся отрывок важен, так как он раскрывает мировоззрение подследственных и проливает тем самым свет на характер связи между делом Берсена Беклемишева и делом Максима Грека, о которой лишь глухо упоминает Типографская летопись.

Как мы видим, ни один из названных источников, упоминающих в той или иной связи об опале Максима Грека, не освещает его судебных процессов. Картину их рисует лишь памятник, изданный в 1847 г. О. М. Бодянским под названием «Список с суднаго списка. Прение Данила, митрополита московскаго и всеа Руси, со иноком Максимом Святогорцем»²⁵.

Судный список Максима Грека (мы будем пользоваться этим названием, поскольку оно сохранилось в рукописной традиции) состоит из двух отрывков, освещающих заседания соборов 1525 и 1531 гг. Первый отрывок содержит известия о «хулах» Максима Грека, о созыве против него собора в 1525 г. и запись начальной части допроса Максима, которая включает вопрос митрополита о «хульном» учении Максима о сидении Христа одесную отца, ответ на него Максима и подборку текстов «от божественных писаний», зачитанную в опровержение «хулы» Максима. На одной из цитат подборки обрывается текст отрывка.

Отрывок, освещающий заседания собора 1531 г., полнее. Он начинается с вступления, излагающего мотивы, обусловившие предание Максима вторичному суду: сосланный после собора 1525 г. в Иосифо-Волоколамский монастырь для исправления и покаяния с запрещением писать, учить и переписываться с кем-либо, Максим Грек не только «покаяния и исправления не показаваше», но и «неповинна во всем себе глаголаше, и отреченная мудрствоваша, и послания писаша». Поэтому освященный собор и великий князь, рассмотрев «не токмо необратный его нрав, но еще хулы его прибылые новейшая», решили предать его новому суду.

²³ Отрывок издавался дважды: в «Актах археографической экспедиции» (далее, ААЭ), т. I. СПб., 1836, № 172, стр. 141—145 и в «Сборнике князя Оболенского», № 3, 1838, стр. 1—15. В «Сборнике князя Оболенского» отмечена правка, имеющаяся в рукописи.

²⁴ С. Н. Чернов. Заметки о следствии по делу Максима Грека.—«Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 465—474.

²⁵ ЧОИДР, № 7, Отдел II, 1847, стр. 1—13.

В следующей за вступлением обвинительной речи митрополита развивается та же тема — о преступном поведении Максима, но в еще более широком диапазоне: обзор его «вин» дается с момента приезда на Русь. Речь митрополита начинается с показа вопиющего контраста между милостью, проявленной великим князем по отношению к прибывшим с Афона монахам, Максиму Греку и Савве, и их черной неблагодарностью, которая выражалась: 1) в сношениях с Турцией и стремлении поднять турецкого султана на войну с Россией, 2) в резких отъездах о великом князе, 3) в осуждении поставления русских митрополитов без санкции константинопольского патриарха, 4) в колдовстве и волхвовании, 5) в ложном учении о сидении Христа одесную отца, 6) в критике вотчинных прав монастырей и церквей, 7) в отрицании святости русских чудотворцев из-за их стяжательской деятельности. Из-за всех тех «хул» и из-за иных, заключается митрополит перечень проступков Максима, были многие соборы, в результате которых он был приговорен к ссылке в Иосифо-Волоколамский монастырь. Затем митрополит повторяет с некоторыми новыми вариантами основной мотив вступления к соборному разбирательству — непокаяние и неисправление Максима и нарушение им приговора собора 1525 г. Заканчивает митрополит свою речь словами: «А ныне на тебя богохульные вины многия явились», которые как бы образуют переход к последующему допросу Максима.

Первая часть допроса Максима касалась, как это явствует из завершающей речь митрополита фразы, «ныне явившихся», т. е. вновь обнаруженных «богохульных вин» Максима. Они заключались в «хульных строках» — искажениях, допущенных в переводе Максимом Жития Богородицы Метафраста, и «заглаживании» — пропусках отдельных мест в переведенных Максимом богослужебных книгах. По этим пунктам обвинения был допрошен ряд свидетелей — помощники Максима Грека по переводам, Михаил Медоварцев и старец Троицкого монастыря Селиван, Вассиан Патрикеев, которому после приезда Максима Грека на Русь был поручен надзор за его переводческой деятельностью, а также чернец Чудовского монастыря Вассиан Рушанин, занимавшийся правкой книг по поручению Вассиана Патрикеева. В ходе допроса митрополит обращался с вопросами к Досифею, епископу Крутицкому.

Досифей играл чрезвычайно активную роль на процессе: он был не только одним из главных свидетелей обвинения, но и правой рукой митрополита. В частности, Досифею митрополит поручил вторую часть допроса Максима — о «хулах прежних соборов, что было взысканое и соборы на Максима и на Саву у великаго князя на дворе, в полате, таже потом соборы многие были у митрополита, в полате его, лета 7033, на того Максима о тех хулах, о иных, которые прибыли, и взыскавшиеся месяца апреля и месяца мая». Таким образом, из слов митрополита, как они изложены в судебном списке, следует, что Досифею был поручен передопрос Максима по обвинениям, которые служили предметом разбирательства на соборных заседаниях 1525 г.

Сохранившаяся часть передопроса, сделанного Досифеем, включает восемь пунктов. Шесть пунктов из восьми — религиозно-догматического порядка: они касались отступлений от канонов в переводах Максима и его «хульных» учений, два — церковно-политического характера: они заключались в указании на осуждение Максимом русских богослужебных книг и независимости русской церкви от константинопольского патриарха. На ответах Максима Грека на вопросы Досифея, в частности, на ответе на вопрос об отношении к независимости русской церкви, обрывается текст второго отрывка, освещающего деятельность собора 1531 г.

Обзор источников, касающихся опалы и судебных процессов Максима Грека, показывает, что важнейшим из них является, несмотря на дефектность сохранившегося текста, судебный список. Поэтому тщательный

источниковедческий анализ судного списка составляет необходимую предпосылку рассмотрения вопроса о причинах осуждения Максима Грека.

В литературе известны четыре списка судного списка Максима Грека. Один из них — из сборника Погодинского собрания № 1597, датируемого первой половиной XVII в.²⁶, издан О. М. Бодянским. Три других списка XIX в. находятся в сборнике № 831 собрания Уварова (ГИМ), в сборнике № 75 собрания Хлудова (ГИМ) и в 30-м картоне собрания кн. Оболенского (ЦГАДА, ф. 201, № 426). Научную ценность представляет только Погодинский список, так как список Оболенского является его копией, а списки Уваровский и Хлудовский — копиями издания О. М. Бодянского. Однако Погодинский список имеет большие дефекты: в середине текста пропущена большая часть судебного разбирательства на соборе 1525 г. и приговор собора, в конце — приговор собора 1531 г. и, возможно, какая-то часть судебного разбирательства на этом соборе. С. Н. Чернов высказал предположение, что в распоряжении переписчика Погодинского сборника находился уже дефектный экземпляр судного списка: трудно предположить, чтобы переписчик, имевший перед собой полный текст, мог сделать столь значительные пропуски²⁷.

Предположение С. Н. Чернова подтверждается обнаружением еще одного, ранее неизвестного в литературе, «списка судного списка» Максима Грека. Этот список, находящийся в сборнике № 2736 собрания Барсова (ГИМ), датируемом началом XVIII в.²⁸, представляет интерес как в силу своей относительной древности, так и благодаря имеющимся в нем разночтениям.

Разночтения Барсовского списка двух типов. К первому относятся разночтения, заключающиеся в наличии в Барсовском списке слов и частей фраз, несомненно имевшихся в архетипе, но отсутствующих в Погодинском списке. Например, в Барсовском списке во вступлении к действиям собора 1525 г. читается: «В том же соборе был и сам князь великий Василий Иванович всеа Руси и со отцем своим Даниилом, митрополитом всеа Руси, и з братиею своею, со князем Юрьем и со князем Андреем, и со архиепископы, и епископы...» (л. 98); в Погодинском списке слова: «и со отцом своим Даниилом, митрополитом всеа Руси» отсутствуют (л. 19, стр. 1 изд.). Встречаются и обратные случаи — пропуски в Барсовском списке.

²⁶ Погодинский сборник, хранящийся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, включает три памятника, объединенные интересом к Максиму Греку: 1) Выпись о втором браке Василия III, 2) Список судного списка Максима Грека, 3) Речь Ивана IV к Максиму Греку (Максим Грек в качестве адресата назван ошибочно, на самом деле речь обращена к Яну Роките). О. М. Бодянский, впервые описавший сборник, датировал его по почерку XVI или XVII столетием (ЧОИДР, № 7, отдел II, стр. III). А. Ф. Бычков склонялся к XVI в. (А. Ф. Бычков о в. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Петроградской публичной библиотеки, т. I. СПб., 1882, стр. 75). С. Н. Чернов полагал, что по почерку и водяным знакам, соответствия которых с датированным материалом Н. П. Лихачева и К. Брикк он, однако, не устанавливал, сборник относится ко времени не ранее 40-х гг. XVII в. и что «осторожнее отодвигать время его написания ко второй половине XVII в.» (С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 55—56). Нам кажется, что водяные знаки сборника позволяют датировать его первой половиной XVII в. (первый знак — сдвоенное «С», пересеченное лотаринским крестом под короной, у Н. П. Лихачева № 3062, 3072—1602, 1607 гг.; второй знак — голова шута в двух вариантах: один с воротником с пятью бубенцами, у Н. П. Лихачева № 2911 из рукописи Александро-Невской летописи первой половины XVII в., другой — с воротником с четырьмя бубенцами, в справочниках не обнаружен; третий знак — щит или герб неясного рисунка). Этой датировке не противоречат и данные почерка.

²⁷ С. Н. Чернов. К ученым несогласиям..., стр. 52—53.

²⁸ Описание сборника, включающего статьи религиозно-нравственного характера, имеется в неизданном описании Барсовского собрания, находящемся в Рукописном отделе ГИМ'а. Датировка, указанная в описании, подтверждается водяными знаками (герб Амстердама).

Ко второму типу разночтений относятся различные написания одних и тех же слов. Так, например, в Погодинском списке во вступлении к судебному разбирательству на соборе 1531 г. указывается, что члены собора «изобретоша ко многим прежним хулам» Максима Грека «новейшие хулы» (л. 36 об.—37, стр. 4 изд.), в Барсовском списке вместо «изобретоша» читается «обретоша» (л. 109 об.); в Погодинском списке в числе ересей, в которых обвинялся Максим Грек, указывается ересь «изстленномнительная» (л. 45 об., стр. 7 изд.), в Барсовском списке она названа «нетленномнительной» (л. 119 об.), что, несомненно, правильно, ибо суть этой ереси заключалась в признании вопреки ортодоксальному учению нетленности плоти Христа²⁹. Не умножая примеров, отметим, что оба типа разночтений свидетельствуют о том, что Барсовский список нельзя возводить к Погодинскому: он представляет собой независимую от последнего линию истории текста судного списка.

Но, различаясь по ряду чтений, Барсовский и Погодинский списки имеют весьма существенные, свойственные им обоим особенности. Барсовский список так же, как и Погодинский, дефектен, причем его дефекты аналогичны дефектам Погодинского списка: в нем имеются те же пропуски и те же обрывы текста, что и в Погодинском списке. А это означает, что оба списка, несмотря на наличие разночтений, восходят к одному архетипу и что этот архетип, как и полагал С. Н. Чернов, говоря о предшественнике Погодинского списка, представлял собой дефектный экземпляр (что касается разночтений, имеющих в Погодинском и Барсовском списках, то они могли возникнуть либо в промежуточных между этими списками и архетипом звеньях, если таковые звенья имелись, либо, в случае отсутствия их, при переписке списков непосредственно с архетипа).

К какому же типу исторических источников принадлежал архетип сохранившихся списков судного списка Максима Грека? Поскольку в рукописной традиции памятник известен под названием судного списка, постольку для ответа на поставленный вопрос мы должны выяснить, в какой мере он обладает признаками, типичными для судных списков того времени, и в частности для судных списков дел, проходивших через соборные суды.

К сожалению, в литературе вопрос об особенностях судных списков соборных процессов XVI в. не ставился. Поставить его только на основе документальных материалов соборов XVI в. нельзя, так как их сохранилось очень немного. Поэтому решение интересующей нас задачи мы начнем с сопоставления документальных материалов соборов XVI в. с судными списками дел, проходивших через светские суды, с тем, чтобы выявить специфику судных списков соборных процессов (если таковая имелаась) и затем уже решать вопрос о характере интересующего нас памятника.

Д. М. Мейчик, изучая судебные акты XIV — XV вв., определил судные списки как «подробные судебные протоколы, в которые заносилось все судоговорение». Судные списки, как отметил Д. М. Мейчик, входили в состав «правых» грамот и докладных судных списков, содержавших наряду с протоколом судебного разбирательства и решения суда. Л. В. Черепнин справедливо замечает, что в делопроизводственной практике XV — XVI вв. термины «судный список» и «правая грамота» порою совпадали³⁰.

²⁹ Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 97—98.

³⁰ Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. М., 1883, стр. 25—31; Л. В. Черепнин и н. Акты конца XIV — XV вв., их разновидности и значение в качестве исторического источника. — «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси XIV—XV вв.» (далее: АСЭИ), т. I. М., 1952, стр. 649.

Остановимся на особенностях судных списков в точном смысле этого слова, т. е. протоколов судебного разбирательства. Они состоят из двух частей: вступительной, содержащей сведения о месте суда, его составе, тяжущихся сторонах, и основной, представляющей собой запись судебного разбирательства.

Сохранившиеся судные списки дел, проходивших через светские суды, отражают обычно тяжбы по земельным вопросам. Это обстоятельство наложило, естественно, отпечаток на их формуляр.

Вступление судных списков включает две формулы: в первой — указывается факт судопроизводства, место суда (обычно суд происходил на спорном месте, из-за которого возникла тяжба) и состав суда, во второй — тяжущиеся стороны. Еще Д. М. Мейчик отметил, что первая формула встречается двух типов. Один — начинается с указания на место суда: «Став на земле (или на реке, на озере, у деревень и т. д.) си суд судил (или судили) писец (или тиун, или судья) имя рек», другой — с указания на производство суда по распоряжению княжеской власти: «По грамоте (или по слову) князя (или великого князя) имя рек, си суд судил судья (или писец и т. д.) имя рек, став на земле (или на воде, или на пожне и т. д.)». Вторая формула вступления, содержащая указание на тяжущиеся стороны, во всех судных списках одинакова: «Тягался (имя истца или истцов) с (имя ответчика или ответчиков)»³¹.

Следующая за вступлением основная часть судных списков содержит запись судебного разбирательства — допроса тяжущихся, показаний свидетелей, документов, привлекавшихся по ходу дела. Текст этой части составлен в форме записи прямой речи судей, тяжущихся, свидетелей, сопровождаемой лишь лаконичными указаниями на говоривших лиц, например: «И судья спросил Фегнаста старца», «И Фегнаст тако рек». Документы, привлекавшиеся по ходу судебного разбирательства, в судных списках не пересказываются, а передаются дословно после фразы, указывающей на привлечение документа, например: «И судья грамоту купчую велел чести, и в грамоте пишет», и далее следует текст грамоты.

Во многих судных списках после записи судебного разбирательства следует запись с перечислением нескольких присутствовавших на суде лиц³² (бояр, если суд происходил перед князем, или, в случае, если суд был у низшего судьи, старосты, сотника и просто нескольких поименно названных лиц), являвшихся, как полагают исследователи, свидетелями судопроизводства. В некоторых докладных списках и правых грамотах эта запись помещена не непосредственно после записи судебного разбирательства, а после записи судебного решения в конце правой грамоты или докладного списка³³.

Из всего сказанного следует, что судные списки и по своему содержанию, и по формуляру представляли официальные деловые документы. В качестве таковых они были лишены каких бы то ни было литературных элементов: в них нельзя найти ни дополнительных к судебному разбирательству разъяснений сути дела, ни характеристик (от лица составителя списков) привлеченных к суду лиц и их действий, ничего, что свидетельствовало бы об отношении к разбираемому делу составителей списков и настраивало бы на аналогичное отношение тех, кто получит возможность с ними ознакомиться. Субъективный «авторский» элемент в судных списках гражданских процессов отсутствует.

Обратимся теперь к документальным материалам, оставшимся от соборных судов XVI в.

³¹ Ср. Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 29—30. Мелкие отклонения от обычных типов, встречающиеся во вступительной части судных списков, мы не отмечаем.

³² См., например, АСЭИ, т. I, № 326, 589, 590, 607 и др.

³³ См. там же, № 598, 539, 557 и др.

Помимо судебного списка Максима Грека, сохранились материалы лишь двух соборных процессов XVI в.: Вассиана Патрикеева и дьяка Ивана Висковатого. Памятник, известный в литературе под названием «Дела дьяка Висковатого», представляет собой, как это прекрасно показал Н. Е. Андреев, позднейшую сводку из отрывков частных записей о соборе, некоторых документальных материалов и составленных кем-то пояснительных замечаний и связующих фраз³⁴. Не являясь, таким образом, судебным протоколом, «Дело дьяка Висковатого» не может быть использовано для определения особенностей судебных списков соборных процессов.

Используем с этой целью памятник, отражающий ход соборного процесса Вассиана Патрикеева. Он сохранился в единственном списке конца XVI в., не имеющем заголовка³⁵. Сопоставим его вступительную часть с началом судебных списков гражданских процессов, взяв для этой цели одну из правых грамот.

Правая грамота Троицкому Сергиеву монастырю. Прежде 1490 г. марта 7.

Дело Вассиана Патрикеева

Став на Овсянниковских наволоцех, на Долгом да на Верхнем, на реце на Костроме, си суд судил судья великого князя Иван Котена.

Тягался Андрейко староста залеской и все крестьяне залеские старцем с Касьяном с троецким³⁶.

Лета 7039, майя в 11 день. Седящу соборне господину Давилу, митрополиту всея Руси, со архиепископы и епископы, со всем священным собором; на том же соборе был и боярин великого князя Василья Иоанновича всея Руси, Михайло Юрьевич, и дьяки великого князя; и по ставили на том соборе старца Васяяна, князя Иоаннова сына Юрьева³⁷.

Как мы видим, вступление судебного списка, входящего в состав правой грамоты, состоит из двух формул, вступление соборного памятника — из трех. Первой формуле судебного списка: «став на (название местности) си суд судил судья великого князя (имя рек)» соответствует первая формула соборного памятника: «Седящу соборне господину (имя рек) митрополиту всея Руси, со... всем священным собором». Обе формулы содержат указание на факт судопроизводства (во второй — роль такового играет указание на заседание собора³⁸) и состав суда. Отсутствие в соборном памятнике указания на место суда, обязательное для судебных списков, объясняется различным характером процессов: судебные списки отражают тяжбы по земельным делам, при которых суд каждый раз происходил на новом месте (из-за которого возникла тяжба), поэтому оно обязательно указывалось; соборные суды (так же, как и вообще соборы) заседали в определенном месте — обычно в палатах митрополита, реже в палатах великого князя, поэтому указание на место собора было не обязательно.

Второй формуле судебного списка: «Тягался (имя истца или истцов) с (имя ответчика)» — соответствует третья формула соборного памятника: «И поставили на том соборе (имя обвиняемого)». Обе формулы называют лиц, являвшихся объектами суда. Различия между формулами связаны опять с различиями процессов: в первом случае речь идет о тяж-

³⁴ Н. Е. Андреев. О «Деле дьяка Висковатого». — СК, V, 1932, р. 191—241.

³⁵ Сборник 17.13.11 Основного собрания рукописного отдела БАН, лл. 341—404. Основания датировки см.: Н. А. Казакова. Указ. соч., Приложения, стр. 285

³⁶ Акты юридические или собрание форм старинного судопроизводства. СПб., 1838, № 4, стр. 7.

³⁷ Н. А. Казакова. Указ. соч., Приложения, стр. 285.

³⁸ Отсутствие прямого указания на судопроизводство в соборном памятнике имеет аналогию в сокращенной формуле некоторых судебных списков: «став на землю судья (имя рек) тягался...», в которой слова «си суд судил» опущены (см. Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 29—30).

бе по гражданскому иску, возбужденному частным лицом (поэтому формула: «Тягался...»), во втором — о привлечении церковными властями к суду лица, обвиняемого в тяжких церковных преступлениях (отсюда формула: «поставили...»).

Вторая формула вступления соборного памятника называет лиц, присутствовавших на соборе, но не являвшихся его членами (боярин и дьяки великого князя). Подобной формулы во вступлении судебного списка нет, но, как мы отметили выше, указание на лиц, присутствовавших на суде в качестве свидетелей судопроизводства, в судебных списках имеется, только помещалось оно в другом месте — либо в конце судебного списка, либо в конце правой грамоты или докладного списка после записи судебного решения. Перенесение этого указания в соборном памятнике во вступление, возможно, объясняется высоким положением присутствовавших на соборе лиц (это были представители великого князя), что опять-таки было связано с характером процесса.

Из сделанных наблюдений явствует, что вступление к памятнику, отражающему ход процесса Вассиана, аналогично вступлению к судебным спискам. Его формулы типичны (с учетом отличий, зависевших от иного характера процесса) для судебных списков того времени.

Вторая часть соборного памятника, передающая ход судебного разбирательства дела Вассиана, соответствует второй части судебных списков: допрос митрополитом Вассиана, показания свидетелей переданы, так же, как и в судебных списках, в форме записи прямой речи говоривших, предваряемой лишь лаконичными, состоящими из трех-четырех слов, указаниями, кто спрашивал, кто отвечал. Тексты привлекавшихся документов (на процессе Вассиана роль таких документов играли тексты из священного писания, сочинений «святых отцов», Кормчей книги) переданы также не в форме пересказа, а в виде записи цитировавшихся отрывков.

Конец памятника, рассказывающего о судебном процессе Вассиана, не сохранился. Но и сохранившейся части достаточно, как нам кажется, для заключения о том, что и по содержанию, и по формуляру он аналогичен судебным спискам гражданских процессов и что перед нами, следовательно, копия судебного списка Вассиана. Сделанное заключение влечет за собой второй, важный для поставленной нами цели вывод о том, что судебные списки дел, проходивших через соборные суды XVI в., не имели сколько-нибудь существенных отличий от судебных списков дел, разбиравшихся светскими судами. Представляя одну и ту же разновидность судебной документации, они обладали общими дипломатическими признаками.

Обратимся теперь к судебному списку Максима Грека. Если для судебных списков того времени (как гражданских, так и церковных процессов) было характерно, как мы отметили, деление на две части: 1) вступление, сообщающее о составе суда и привлеченных к нему лицах, и 2) запись судебного разбирательства, то в тексте судебного списка Максима Грека устанавливается иное деление.

Его текст, объединяющий материалы двух соборов, делится на семь частей: 1) вступление, в котором вне всякой связи с соборным процессом сообщается о «хульном» учении Максима Грека. Начинается: «В лето 7033 писано сице...», кончается: «Тако глаголя Максим, не повиновавшеся и потом божиими судьбами неизреченными, яко же бог вестъ» (стр. 1 изд.). 2) Второе вступление с сообщением о привлечении Максима к соборному суду и его составе. Начинается: «Лета 7033 взыскание бысть...», кончается: «И на том соборе стал инок Максим Грек» (стр. 1 изд.). 3) Запись судебного разбирательства. Начинается: «И Даниил, митрополит всеа Руси, велел его спросити владыке Досифею сарскому и подонскому...», кончается: «...прочее же седя слуга ем от бесплотных сил» (стр. 1—3 изд., стр. 50—52 статьи С. Н. Чернова «К ученым несог-

ласиям...»).³⁹ Здесь текст, повествующий о соборе 1525 г., обрывается. 4) Помета о начале текста, относящегося к собору 1531 г.: «Другий собор бысть» (стр. 4 изд.). 5) Вступление, в котором рассказывается о решении священного собора и великого князя предать Максима Грека новому суду, об основаниях этого решения и приведении его в исполнение. Начинается: «Лета 7039. Божественнаго священнаго собора и христоролюбиваго царя и великаго князя...», кончается: «...поставиша пред Данилом, митрополитом всеа Руси, и пред архиепископы, и епископы, и пред всем освященным собором» (стр. 4 изд.). 6) Обвинительная речь митрополита, излагающая «вины» Максима. Начинается: «И митрополит Максиму говорил: Пошли естя от Святыя горы ис Турского державы...», кончается: «А ныне на тебя богохульныя вины многие явились» (стр. 4—7 изд.). 7) Запись судебного разбирательства. Начинается: «Вопрос. И ты скажи нам, что еси с своими единомышленники и советники мудрствовал...», кончается: «Тако же и мы, приемше святое крещение, и держаще веру правоверную и честную, и святую, но плода добра не имуще есмь» (стр. 7—13 изд.). Здесь обрывается текст.

Уже деление судного списка Максима Грека свидетельствует об отличиях его от других судных списков. Чтобы эти отличия были нагляднее, приведем текст его первых двух частей (вступлений):

«В лето 7033 писано сице. Максим инок Святгорец говорил и учил многих и писал о Христе, яко седение Христово одесную отца мимошедшее и минувшее; яко же Адамово селение в раи и прямо рая седение, тако и Христово седение одесную отца мимошедше. Где было в здешних книгах написано: Христос възиде на небеса и седе одесную отца, а инде: седяй одесную отца, и он то зачернил, а иное выскреб, а вместо того написал: седев одесную отца, а инде: седевшего одесную отца, а в ином месте: сидел одесную отца. Тако глаголя Максим, не повиновавшися, и потом божиими судьбами неизреченными, яко же бог весть.

Лета 7033 взясkanie бысть о той хуле и в прочих великому освященному собору, бывшу в полате великаго князя. В том же соборе был и сам князь великий Василей Иванович всея Руси, и з братиею своею, со князем Юрьем и со князем Андреем, и со отцем своим Даниилом, митрополитом всеа Русии, и со архиепископы, и епископы, и со архимариты, и со игумены, и весь великий освященный собор, и старцы изо многих монастырей, и многим же боляром, князем и вельможам, и воеводам бывши ту. И на том соборе стал Максим Грек»⁴⁰.

Текст первого вступления не находит никакой, даже самой отдаленной аналогии, ни в одном судном списке того времени. В нем вообще нет никаких признаков текста протокола. По своему содержанию и форме — это запись литературного характера, повествующая о «хуле» Максима — его лживом учении, вне всякой связи с судом над ним. Цель записи — внушить читателю убеждение в виновности Максима еще до ознакомления с ходом судебного процесса.

Второе вступление на первый взгляд аналогично вступлению судного списка Вассиана: в нем сообщается о заседании собора, его составе, присутствовавших на нем лицах и подсудимом. Но при более внимательном сравнении выступают различия. В судном списке Вассиана помимо членов освященного собора из присутствовавших названы лишь лица, имевшие официальное значение, являвшиеся представителями велико-

³⁹ В издании О. М. Бодянского, из-за путаницы листов в Погодинском сборнике, вместо части текста судного списка Максима Грека напечатан кусок текста из речи Грозного к Яну Роките, находящейся в том же сборнике. Пропущенный текст из судного списка Максима Грека напечатан С. Н. Черновым в его статье. Поэтому мы делаем на нее ссылку.

⁴⁰ ЧОИДР, № 7, Отдел II, стр. 1. Слова «и со отцем своим Даниилом, митрополитом всеа Русии» взяты из Барсовского списка (см. выше, стр. 116).

княжеской власти. В судном же списке Максима Грека помимо членов освященного собора и великого князя с братьями названы старцы из многих монастырей, многие бояре, князья, вельможи и воеводы. Уже этот перечень отдаляет наш текст от лаконичных деловых формул судных списков (попутно заметим, что термин «вельможа» языку документальных материалов XVI в. чужд) и делает его похожим скорее на информацию представителя прессы (позволим себе эту модернизацию), имевшую целью подчеркнуть тот резонанс и то внимание, какое вызвал происходящий процесс в широких общественных кругах. Явно литературного, а отнюдь не делового, документального происхождения и первая фраза рассматриваемого вступления: «Лета 7033 взыскание бысть о той хуле и в прочих великом освященному собору». Эта фраза рассчитана на то, чтобы связать первое вступление, в котором сообщается о «хуле» Максима вне всякой связи с судом над ним, со вторым вступлением, с которого начинается рассказ о суде. Таким образом, хотя второе вступление некоторыми элементами напоминает вступление судного списка Вассиана, но в то же время оно отличается от него своим литературно-публицистическим характером. Это — скорее публицистическая запись о созыве собора с использованием данных из вступительной части его протокола, нежели текст самого протокола.

Минуя сейчас третью часть судного списка Максима Грека (ею мы займемся позже) и не останавливаясь совсем на четвертой, представляющей собой простую помету о втором соборе на Максима («Другий собор бысть»), перейдем к рассмотрению пятой части нашего памятника — вступлению к тексту, отражающему ход второго процесса Максима Грека.

Это вступление в еще большей мере, нежели только что рассмотренные нами вступления к тексту о соборе 1525 г., отличается от обычного типа вступления к судным спискам и, в частности, от вступления к судному списку Вассиана Патрикеева. Вместо трех формул последнего, содержащих указание на заседания собора и его состав, присутствовавших на нем представителей великого князя и подсудимого, вступление к тексту о соборе 1531 г. включает рассказ, повествующий о предании Максима вторичному суду. В нем сообщается, что освященный собор и великий князь узнали о новых «хулах» Максима («изобретоша ко многим хулам новейшия хулы» — они перечисляются) и о том, что будучи отправлен в Иосифо-Волоколамский монастырь на покаяние, Максим не только не каялся, но и «неповинна во всем себе глаголаше». Поэтому «послаша во Иосифов монастырь... и привезше его... на Москву, поставиша пред Данилом, митрополитом всеа Руси, и пред архиепископы, и епископы, и пред всем освященным собором». По своему назначению рассматриваемое вступление аналогично первому вступлению к тексту о соборе 1525 г., имевшему целью убедить читателя в виновности Максима еще до ознакомления с судебным разбирательством. Возможно, при составлении его были использованы документальные материалы заседаний соборов, на которых рассматривался вопрос о предании Максима вторичному суду, а также судный список второго процесса Максима Грека, но само вступление не является частью текста последнего. Это — составленное позже публицистическое введение, а отнюдь не вступление к судному списку.

Шестую часть изучаемого памятника составляет обвинительная речь митрополита, содержащая обзор всех «вин» Максима, начиная от приезда его с Афона на Русь и кончая заключением в Иосифо-Волоколамском монастыре⁴¹. Речь митрополита, суммирующая «вины» Максима, является основным источником для суждения о предьявлявшихся ему обвинениях. Поэтому вопрос о происхождении рассматриваемой части памят-

⁴¹ См. выше, стр. 115.

ника особенно важен, ибо от решения его зависит в известной мере и вопрос о степени достоверности обвинений против Максима Грека.

Подобной обвинительной речи митрополита, обобщающей все вины подсудимого и предвещающей его допрос, в судебном списке Вассиана нет. Согласно его тексту, митрополит свои обвинительные тирады и реплики произносил в ходе допроса Вассиана по его отдельным пунктам. Судный список Вассиана представлял собой, как мы установили, копию официального протокола суда, и поэтому отсутствие в его формуляре обвинительной речи митрополита, предшествующей судебному разбирательству, дает, казалось бы, повод для сомнения в реальности подобной речи на одновременном процессе Максима Грека. Но вместе с тем отмеченное различие могло быть вызвано различием обоих процессов. Вассиан впервые привлекался к суду, и его виновность надо было еще доказывать; Максим Грек привлекался к суду вторично, и его «хулы», о которых говорил митрополит, считались уже установленными во время предшествующего процесса 1525 г. Поэтому на процессе 1531 г. обвинительная речь митрополита, основанная на материалах собора 1525 г. (а митрополит, как мы покажем ниже, ссылался на них), могла иметь место до нового судебного разбирательства.

Но если у нас нет оснований сомневаться в факте произнесения митрополитом его речи, то вместе с тем мы не можем быть уверены в том, что она была произнесена в том виде, в каком сохранилась в рассматриваемом памятнике. На эту мысль наводят имеющиеся в речи противоречия. Заканчивая перечень «вин» Максима, митрополит указывал, что «о тех же хулах, да и о иных» были «многие соборы», после которых последовала ссылка Максима в Иосифо-Волоколамский монастырь⁴². Таким образом, согласно контексту речи митрополита получается, что все названные им «вины» Максима являлись предметом разбирательства на заседаниях собора 1525 г. Но это, как отметил еще С. Н. Чернов, в действительности не могло иметь места⁴³. Так, обвинение Максима во всеведении, достигаемом посредством волшебства, относимое, согласно заключительному указанию митрополита, к собору 1525 г., на самом деле на этом соборе не могло быть предьявлено Максиму, так как в самой же речи митрополита несколькими фразами выше оно связывается со временем заключения Максима в Иосифо-Волоколамском монастыре («А жил еси, — говорил митрополит Максиму, — во Иосифове монастыре... и... говорил: Аз, Максим, ведаю все везде, где что деется, — ино, то волхование еллинское и еретическое...»). Далее, укоряя Максима в «хуле» на церкви, монастыри, чудотворцев, митрополит употребляет настоящее время («да ты же, Максим,... укоряеши и хулиши...») ⁴⁴, тогда как в других случаях он использует только прошедшее время. Из этого обстоятельства следует, казалось бы, что митрополит имел в виду не прошлую вину Максима, а настоящую, относящуюся ко времени собора 1531 г. А между тем несколькими фразами дальше митрополит заканчивает, как мы уже упоминали, перечень «вин» Максима указанием на то, что все они являлись предметом разбирательства на соборе 1525 г. (следовательно, «хула» на церкви, монастыри и чудотворцев также относится к прошлому).

Митрополит Даниил был одним из выдающихся публицистов своего времени, владевших всеми тайнами писательского мастерства. Поэтому трудно представить, чтобы в своей речи, текст которой, конечно, заранее был написан, он мог бы допустить такие элементарно грубые несоответствия. Более вероятным представляется другое предположение, а именно, что эти несоответствия и противоречия появились под пером не очень

⁴² ЧОИДР, № 7, Отдел II, стр. 6.

⁴³ С. Н. Чернов. Указ. соч., стр. 63—67.

⁴⁴ ЧОИДР, № 7, Отдел II, стр. 5—6.

искусного книжника, который, перерабатывая текст речи митрополита, соединил в один перечень хронологически разные «вины» Максима и отнес их разбирательство к собору 1525 г. Текст обвинительной речи митрополита в том виде, в каком он до нас дошел, носит на себе следы вмешательства чужой руки.

Третья и седьмая части нашего памятника содержат записи судебного разбирательства (третья — на соборе 1525 г., седьмая — на соборе 1531 г.). Эти части наиболее близки к формуляру судных списков: допрос подсудимых и показания свидетелей переданы в них, как правило, в виде записи прямой речи, привлекавшиеся документы — в форме прямого цитирования. Но в отличие от формуляра судных списков в нашем памятнике наряду с прямой речью довольно часто встречается косвенная речь и суммарная передача показаний нескольких лиц, т. е. элементы, являвшиеся результатом последующей обработки текста протокола⁴⁵.

Подведем итоги. Из сделанных наблюдений явствует, что первая, вторая и пятая части нашего памятника (оба вступления к тексту о соборе 1525 г. и вступление к тексту о соборе 1531 г.) представляют собой публицистические вступления, которыми были заменены вступления к судным спискам. Шестая часть памятника (обвинительная речь митрополита), хотя и была заимствована, по всей вероятности, из судного списка, но подверглась переработке. Третья и седьмая части (записи судебного разбирательства) являются, судя по всем признакам, частями судных списков. Но возможно, под пером того лица, которому принадлежит редакция всего памятника, и они подверглись некоторым изменениям (отдельные моменты соборного разбирательства могли быть, например, опущены, другие, напротив, подчеркнуты; во всяком случае, учитывая общий характер памятника, в полном тождестве их тексту судных списков мы не можем быть уверены).

Все сказанное дает основание для вывода о том, что памятник, известный в рукописной традиции, а также в литературе под названием «Списка судного списка», т. е. копии официальных протоколов процессов Максима Грека, на самом деле таковым не является. Но он не является и «частными историческими записками» о соборах, как это думал Е. Голубинский⁴⁶. Сочетание в нем элементов литературно-публицистических, авторских с элементами, характерными для формуляра судных списков, позволяет рассматривать его как литературно-публицистическую обработку судных списков Максима Грека. Дефектный экземпляр этой обработки и послужил архетипом списков судного списка Шогодинского и Барсовского сборников.

Высказать предположение о том, когда была составлена рассматриваемая обработка, позволяет ее тенденция. Весь текст с его публицистическими вступлениями, рассчитанными на то, чтобы убедить читателя в виновности Максима еще до ознакомления с судебными разбирательствами, с подчеркиванием обвинительной речи митрополита, обосновывающей необходимость вторичного суда над Максимом Греком, имел ярко выраженную иосифлянскую окраску. Вряд ли эта переработка появилась позднее середины XVI в., когда Максим Грек был освобожден из заключения. Скорее всего она возникла в годы, непосредственно следующие за вторым собором против Максима, когда иосифлянское руководство русской церковью особенно нуждалось в оправдании своих действий по отношению к одному из выдающихся русских писателей. Автором ее было, вероятно, доверенное лицо митрополита Даниила, имевшее доступ к официальным протоколам суда. Для придания большей

⁴⁵ Суммарная передача показаний нескольких лиц, а также косвенная речь встречаются иногда и в судных списках гражданских процессов, но очень редко.

⁴⁶ См. выше, стр. 110—111.

убедительности своей обработке автор сохранил за ней название «судного списка» и под этим названием памятник вошел в рукописную традицию.

Что касается самих протоколов процесса Максима Грека — судных списков, то они до нас не дошли. Во второй половине XVI в. они находились, по-видимому, в царском архиве. В описи его дважды названы «списки» Максима Грека, причем в первый раз в контексте, не позволяющем сомневаться в том, что имелись в виду судебные материалы: «Ящик 27-й. А в нем... списки старца Максима и Савы Греков, и Берсенева, и Федка Жаренова»⁴⁷. «Списки» погибли, вероятно, в начале XVII в. при разграблении архива польскими интервентами. Какая-то часть материалов, относящихся к суду над Максимом Греком, находилась еще в 1614 г. в Архиве Посольского приказа: в описи его в числе документов, хранившихся в одном из ящичков, назван «Список Данила митрополита на Максима Грека в 7039 г.», а среди разных «грамот черных и списков» времени Василия III, находившихся в другом ящике, указан «довод на Максима Грека»⁴⁸. Но и эти материалы до наших дней не сохранились.

Судные списки Максима Грека, некогда хранившиеся в царском архиве, не были источником беспристрастным: подобно всем судебно-следственным материалам политических процессов, они несли на себе отпечаток интересов тех кругов, в руках которых находился суд. Этот отпечаток определялся не только общей направленностью суда, но и специальным подбором обвинений, а часто и заранее подготовленных свидетелей, дававших заданные им показания.

Что во время процессов Максима Грека последнее имело место, явствует из записи очной ставки между Берсеном Беклемишевым и Федором Жареным, входящей в состав их следственного дела. Вот отрывок из нее: «Февраля 22. Сказывал Иван Берсень: угонил меня, господине, Федко Жареной тому с неделю против Николы, а Максима уже изымали, и учал мне сказывати: «велят мне Максима клепати; и мне его клепати ли?» и яз Федку молвил: «что будешь слышел и ты то сказывай прямо, а что говоришь о лжи, ино то ты ведаешь»; да и прочь от меня пошол; а сказывает, что князь великий присылал к Федку игумена троецкого: толко мне солжи на Максима, и яз тебя пожалую. И Федко с Берсеном очи на очи говорил, что те речи ему говорил, что к нему игумена троецкого присылал, чтобы ему на Максима всю истинну сказал; а лжи Берсеню не говаривал»⁴⁹.

В рукописи в показаниях Берсеня во фразе: «толко мне солжи на Максима, и яз тебя пожалую» — слово «солжи» написано вместо зачеркнутого «скажешь», а после слов «на Максима» были написаны затем зачеркнутые слова «всю истинну»⁵⁰. С. Н. Чернов справедливо отметил, что эта правка была сделана в процессе самого допроса в связи с несомненным, вероятно, вынужденным изменением показания Берсеня в очень тяжелую для Федора Жареного сторону⁵¹. Вследствие правки последний из лица, утверждавшего, что великий князь хотел узнать всю правду о Максиме, превращался в лицо, бросавшее в адрес великого князя упрек в соучастии в фабрикации ложных показаний. Ясно, что это было на руку следователям, получившим, таким образом, материал для обвинения подследственного в оскорблении великого князя. Но если слова Берсеня о том, что великий князь склонял Жареного ко лжи на Максима, были вынужденными, то вряд ли это относится к передаче Берсе-

⁴⁷ Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, стр. 20; см. также, стр. 29.

⁴⁸ Там же, стр. 48, 60.

⁴⁹ ААЭ, т. I, № 172, стр. 144—145.

⁵⁰ Сборник князя Оболенского, № 3, 1838, стр. 9.

⁵¹ С. Н. Чернов. Заметки о следствии..., стр. 448.

нем начала разговора с Жареным, во время которого последний сказал, что ему велют «клепать» на Максима, не называя лиц, от которых исходило это повеление. Здесь в рукописи никакой правки нет, следовательно, показания Берсения не подвергались изменениям, а что они в этом пункте соответствовали действительности, едва ли можно сомневаться: уже простой перечень обвинений против Максима⁵² показывает, что среди них были настолько нелепые (например, обвинение в злоумышлении посредством волшебства), что они могли быть подкреплены только заранее подготовленными ложными показаниями свидетелей, нашедшими, конечно, свое отражение в судебных списках.

Если не дошедшие до нас судебные списки Максима Грека были источником тенденциозным, то это тем более относится к их литературно-публицистической обработке, которая под названием «Судного списка» сохранилась в рукописной традиции. Тенденциозность, свойственная судебным спискам политических процессов в силу их природы, была усилена в ней рукой иосифлянского публициста, стремившегося всеми мерами обосновать виновность Максима Грека. Все это должно побудить исследователей с особой тщательностью подходить к проверке показаний судебного списка и особенно содержащихся в нем обвинений против Максима Грека.

(Окончание в следующем томе)

⁵² См. выше, стр. 115.